

ИХ СУДЬБЫ – КАК ИСТОРИИ ПЛАНЕТ

Е. Евтушенко

На наш электронный адрес не однажды приходили письма — дать контакты Тамары Викторовны Гордиенко. Но письма эти приходили уже после... И каждый раз мы думали, как сказать. И... стали отвечать вот так: «Их судьбы, как истории планет...» Одни планеты светят ярко, фундаментально проживая свое присутствие, другие, казалось бы, не столь заметны, но в универсуме многоголосья они имеют свой след. Не стало человека, глубокого исследователя, тихо озаряющего Олимп буниноведения». Тамара Викторовна Гордиенко — кандидат филологических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Союза журналистов Москвы, выпускница факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, автор более 250 работ по истории литературы XX века (творчество И.А. Бунина, Б.К. Зайцева и других писателей и поэтов русской эмиграции). Мы публикуем здесь статью Тамары Викторовны, напечатанную в альманахе «Бунинские Озерки» в 2017-м году.

От редакции

Тамара Гордиенко

«БРАТ БЕЛЛЕТРИСТА...»

В 1933 году И.А. Бунину первому среди русских писателей была присуждена Нобелевская премия по литературе. Как известно, на родине эту награду не признали, так как писатель с 1922 года находился в эми-

грации. Советские газеты, выражая официальную точку зрения на высокую награду, отзывались о нем как о «предателе» и «отщепенце», хотя до отъезда 25-летие его творческой деятельности в 1915 году отмечалось

широко и торжественно, что свидетельствовало о признании таланта и общественной значимости его труда. Блестящий стилист, автор нескольких поэтических сборников, прозаик, он был дважды отмечен Пушкинской премией, избран почетным академиком Российской академии наук по разряду изящной словесности и пользовался большой популярностью у читателей. Теперь все изменилось.

В том же 1933 году в СССР вышел библиографический словарь «Деятели революционного движения в России», где Иван Алексеевич упомянут в статье, посвященной его старшему брату, революционеру-народнику, всего лишь как беллетрист.

Представляя Юлия Алексеевича Бунина (1857–1921), авторы статьи писали, что он «дворянин Воронежской губернии, сын мелкого помещика Елецкого уезда Орловской губернии, брат беллетриста Ивана Бунина (курсив. — Т.Г.), и далее прослеживался жизненный путь Юлия. Вряд ли Ивану Алексеевичу когда-нибудь попался на глаза этот текст, а если бы он и прочел эти строки, то, скорее всего, они вызвали бы лишь улыбку, и менее всего он думал бы о соотносении слова «беллетрист» с тем высоким назначением русского писателя, которое предназначено было ему судьбой. Наверное, он в который раз вспомнил бы брата, разлуку с ним и весть о его смерти, о которой узнал на чужбине, и до конца дней своих очень страдал от этой утраты. Юлий сыграл в его судьбе большую роль как учи-

тель и воспитатель. Он серьезно занимался его образованием, рано заметив редкостное дарование, всячески развивал литературные способности и всегда был поддержкой и опорой. Между ними сложились теплые, сердечные и доверительные отношения, они были очень близки душевно, по сути, Юлий заменил Ивану отца. Не разделяя политических убеждений брата, Иван видел в нем Личность, ценил его литературную и общественную деятельность.

Юлий был замечательным человеком, обладавшим многими талантами. Окончив с отличием Воронежскую гимназию, он поступил на физико-математический факультет Московского университета. В нем увидел ученого и прочили блестящую научную карьеру, однако смолodu он увлекся революционными идеями и все годы учебы занимался подпольной работой, из-за чего подвергался гонениям, ссылкам, был в бегах, сидел в тюрьме. К знаниям стремился всегда. Получив диплом математика, поступил на юридический факультет, но вскоре за революционную деятельность был исключен из Московского университета и выслан в Харьков. Через некоторое время, найдя там работу, продолжил учебу в Харьковском университете и получил диплом. Выбрал для себя как сферу деятельности статистику и некоторое время работал статистиком в Харьковском статистическом бюро. Из Харькова он со временем переехал в Полтаву, где занимал ту же

должность в статистическом бюро Полтавской губернской управы, которое вскоре возглавил.

Он и раньше писал для провинциальных газет, но здесь особенно активно занимался журналистикой, сотрудничал с местной газетой «Полтавские губернские ведомости», входил в состав редакционной коллегии и многое делал для того, чтобы она была интересной и содержательной. Его инициативность проявилась и здесь. В Орловском литературном архиве сохранился черновой автограф текста проекта реорганизации «Полтавских губернских ведомостей», причем, как там сказано, реорганизацию можно провести «за короткий срок и без дополнительных затрат». Однако цензурные условия были столь тягостны, что Юлию удалось осуществить проект лишь частично, а затем и вообще пришлось расстаться с газетой. Со временем он основал при сельскохозяйственном обществе газету «Хуторянин» и так успешно повел дела, что газету очень любили, число читателей росло, а из сел приходили благодарственные письма, которые, как писал Юлий в воспоминаниях, отрадно было читать. В Полтаве он написал статью (одно из ее названий «Хуже или лучше жилось в старину»), в которой сделал аналитическое сопоставление данных Румянцевской описи, произведенной в 60-х годах XVIII века, с данными земской статистики Полтавской губернии. Это научно-популярная статья, жанр, которым он очень увлекался и в будущем часто

использовал, потому что считал необходимым подкреплять свои размышления данными статистики. Он был убежден, что цифры обеспечивают «полноту и системность материала по той или иной серьезной проблеме».

В литературном отношении Юлий был одаренным человеком, об этом вспоминают многие современники, отмечая его хороший литературный вкус, чувство стиля. Особенно это проявилось в Москве, где с 1897 года он стал соредактором (в документах его часто называют секретарем редакции, заведующим редакцией) научно-педагогического журнала «Вестник воспитания». Журнал основал в 1890 году детский врач и общественный деятель Е.А. Покровский, который был убежден, что воспитание человека, начиная с колыбели, до школьного обучения и кончая университетом, должно вестись комплексно в духе высших идеалов человечества, но развивать ребенка следует одновременно нравственно и физически. На этом строилась концепция издания. С самого первого номера в «Вестнике» печатались материалы педагогической и медицинской направленности.

К моменту прихода в журнал Юлия «Вестник воспитания» давно уже подтвердил свой статус педагогического издания нового типа, в нем, наряду с педагогами, равноправными авторами были врачи, и вопросы воспитания рассматривались в тесной связи с вопросами физического развития ребенка. Журнал выходил

восемь раз в год (кроме летних месяцев), а с 1900 года и чаще, объемом в двадцать печатных листов. Среди его авторов были известные люди: В.М. Бехтерев, И.И. Мечников, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.Ф. Фортунатов, Д.И. Шаховской, А.Е. Грузинский, М.О. Гершензон и другие. Юлий Алексеевич работал неустанно как автор, а главное — как организатор и редактор. Он внес много нового в тематику, вел удивительно интересную переписку с авторами (об этом свидетельствуют сохранившиеся письма читателей к нему), налаживал и поддерживал контакты с педагогами из других стран, готовил редакционные статьи, которые чаще всего печатались без подписи, словом, занимался повседневной рутинной работой, без которой не может обходиться ни одно издание и которая так мало заметна для читателя.

Редакция располагалась в Староконюшенном переулке, в доме 32, там же, во флигеле дома, принадлежащего издателю, Юлий Алексеевич и жил. В очерке, посвященном ему, Борис Зайцев написал, что Юлия всегда можно было застать в его «квартире-редакции» за чтением рукописей: «Из окна видна зелень Михайловского сада, в комнатках очень тихо, если зайти часов в двенадцать, то весьма вероятно, что там и Иван Бунин, и что они собираются в “Прагу” завтракать».

Москва предоставила ему большие возможности для творчества, и он считал, что вся жизнь до того была

«лишь подготовительным периодом к систематической литературной деятельности». Кроме редактирования, в «Вестнике», по его собственному признанию, он публиковал «многочисленные статьи, критические обозрения, рецензии, заметки и проч.». К сожалению, большая часть из них шла анонимно, за подписью было лишь около двадцати публикаций. Остальные предстоит устанавливать по наброскам, фрагментам статей, по архивным материалам. Среди них материалы к статьям о памятниках русской старины, о поездках за границу в старое время и сейчас, о признаках нравственного возрождения, о грабительском характере Брестского мира, о социализме и многом другом, что свидетельствует о широком спектре интересов автора. Есть среди них несколько очерков, воспоминаний о современниках: о революционере А.И. Желябове, о педагоге-новаторе К.Д. Ушинском, о Г.А. Лопатине, А.Д. Михайлове и о других. В автобиографических заметках Юлий Алексеевич пишет, что он, кроме «Вестника воспитания», сотрудничал с «Русской мыслью», «Северным сиянием», с «Известиями литературно-художественного кружка» и целым рядом других изданий. Полный их список чрезвычайно интересен для историков печати.

С 1907 года Бунин был председателем Общества деятелей периодической печати и литературы (в 1914 году члены общества избрали его своим почетным членом). Он

был инициатором нескольких интересных начинаний в редакционно-издательском деле. Одна из его статей, кстати, тоже неопубликованных, начинается так: «В настоящее время нет ни одного органа печати, в котором систематически давались бы сведения о жизни и деятельности различных литературных организаций, существующих в городах России». В необходимости такого издания автор был убежден, ибо считал, что «ни в какой другой сфере нет такой разобщенности, как в мире писателей и журналистов»; «представители других профессий давно уже имеют свои периодические органы: юристы, педагоги, фармацевты, зубные врачи, техники и т.д.». Он понимал, что «при современных условиях создание такого органа печати является делом трудно осуществимым, в особенности на условиях частной инициативы», но тем не менее обстоятельно обосновал свое видение такого журнала. Речь шла о конкретном издании, была представлена его концепция, тематика, намечены возможные отделы. Первый номер журнала «Путь» (1911–1914), а именно о нем шла речь, появился в январе 1911 года, издателем и редактором его был поэт И.А. Белоусов. Братья Бунины в нем также печатались.

Определенную роль сыграл Юлий Алексеевич и в создании журнала «Журналист», первый номер которого появился в январе 1914 года. На его обложке среди выразивших свое согласие сотрудничать в

нем стоит и имя Юлия Алексеевича. В третьем номере он опубликовал небольшую статью «Товарищеские издательства», где на примере деятельности литературного объединения «Среда» рассказал об инициативе его членов выпускать «товарищеские сборники» с участием авторов в приблывах издания». «Вместе с этим, — писал он, — наряду с изданием книг и сборников должны возникать газеты и журналы. Почва для этого уже подготовлена: за последние годы было много попыток такого рода. Об известных мне случаях издания периодических органов отдельными группами писателей я постараюсь сообщить в одном из ближайших номеров «Журналиста».

В приветственном адресе по случаю празднования 25-летнего юбилея «Вестника воспитания», подписанном представителями Общества деятелей периодической печати и литературы: В. Фриче, Л. Козловским, В. Анзимировым и другими (всего 55 человек), были отмечены заслуги Юлия Алексеевича как редактора «Вестника». И далее сказано о тесной связи его с Обществом, о «рыцарском и самоотверженном служении» ему:

«Ни сложная работа по редактированию журнала, ни многообразная общественная деятельность не мешали Вам принимать в его делах самое горячее участие. Старше многих из нас годами Вы всегда вносили в его жизнь энергию, обвеянную нестареющей молодостью.

Перестав быть одним из ближайших его руководителей, Вы не переставали быть его преданным другом, болея сердцем в трудные дни, пережитые Обществом, радуясь всякому проявлению его жизнеспособности. Вы всегда относились к нему, как к чему-то очень близкому и почти родному.

И это неудивительно: общественник в лучшем смысле этого слова, Вы всегда всем существом своим сознавали великую роль печати, и этим вполне объясняется неизменный интерес, который Вы питали к идее объединения деятелей печатного слова. Прекрасно понимая всю важность защиты профессиональных нужд нашей корпорации, Вы вместе с тем неослабно стремились поднять ее значение, как одного из серьезных факторов общественности в глазах общественных кругов».

Серьезное отношение к делу, глубокие знания, трудолюбие, добросовестность и хороший характер способствовали тому, что Юлий Алексеевич входил в состав многих общественных организаций, а нередко и был во главе. Так, он состоял редактором и председателем правления Московского книгоиздательства писателей, директором Литературно-художественного кружка, где возглавлял комиссию литературных собеседований, товарищем председателя Общества помощи литераторам и журналистам, участвовал в Московском отделении

Лиги образования, стоял у истоков Союза журналистов. И это далеко не полный перечень тех организаций, в которые входил этот замечательный человек.

Юлий Алексеевич, как свидетельствует Б. Зайцев, «жил спокойной и культурной жизнью, с очень общественным оттенком: состоял членом бесчисленных обществ, комиссий и правлений, заседал, “заслушивал”, докладывал, выступал на съездах, и т.п. Но пошлостей на юбилеях не говорил. <...> Его спокойный и благородный джентльменский тон ценили все. Что-то основательное, добротное, как хорошая материя в дорогом костюме, было в нем, и с этим нельзя было не считаться. <...> “Юлий” был мера, образец и традиция. В сущности, по нему одному, по его речи, суждениям, заседаниям, заграничным поездкам, можно было почувствовать всю ту жизнь, то время».

После 1917 года жизнь его пошла под откос. Прекратил свое существование «Вестник воспитания», которому он верой и правдой служил почти двадцать лет. Труд этот не пропал, почти две сотни объемистых томов «Вестника» (всего их вышло 210), в которых он участвовал, — это своеобразная энциклопедия русской педагогической мысли, которая, однажды сыграв свою роль, наверняка дождет своих читателей и среди новых поколений, стремящихся к возрождению традиций национальной русской школы.

* * *

Брат звал его с собой на юг в 1918 году, но он остался в Москве, по определению Зайцева, «наблюдать гибель мира, к которому принадлежал и под который сам закладывал некогда динамитный патрон». Одинок, болен, испытывал нужду и голод; перефразируя А. Ахматову, был со своим народом, там, где тот народ, к несчастью, был. С комнаткой во флигеле пришлось распрощаться, владельца дома в Староконюшенном давно уже не было в живых, а новая власть его просто выжила. Ко всем бедам прибавилось резко ухудшившееся здоровье и абсолютная неспособность к быту. На какое-то время ему помогли устроиться в дом отдыха писателей и журналистов в Неопалимовском переулке, правда, на короткий срок. 23 февраля 1921-го он обращается к

наркому здравоохранения Н.А. Семашко с просьбой продлить ему пребывание в здравнице № 2, потому что срок его пребывания кончается 4 марта, а возвращаться ему некуда. «Я должен отправиться в свою квартиру, — жаловался он, — где жить совершенно невозможно, температура в ней ниже нуля, дров нет и приобрести их я не могу. Человек я одинокий, беспомощный и старый — мне 63 года. Нет никого, кто мог бы теперь облегчить мое положение. Таким образом, возвращение мое на свою квартиру в середине зимы равносильно полной моей гибели». Ненадолго его оставили, но потом, как пишет Зайцев, ему пришлось перебраться в какой-то приют для стариков в Хамовниках. Там и навестил его Зайцев, обстановка его поразила, столь удручающей она была:

«На железных кроватях с тоненькими тюфячками валялось несколько богаделенских персонажей. Мы вышли в сад. Прошлись по очень заросшим аллеям, помню, зашли в какую-то буйную, глухую траву у забора, сидели на скамеечке и на пеньке. Юлий был очень тих и грустен.

— Нет, — сказал на мои слова о брате, — мне Ивана уже не увидеть.

Этот светлый московский день с запущенным барским садом, нежными облаками, с густой влагой зелени, с полуживым Юлием Алексеевичем, остался одним из самых горестных воспоминаний того времени».

Его удалось поместить в хорошую лечебницу, но было уже поздно: на следующий день он умер.

«Мы хоронили его в Донском монастыре, далеко за Москва-рекой, тоже в сияющий, горячий день, среди зелени и цветов. Старые друзья, остатки Середы, все явились покло-

ниться сотоварищу, в горький час России уходившему», — записал Борис Зайцев.

В благодарственной речи, прозвучавшей в Стокгольме в день вручения Нобелевской премии, Иван Бунин говорил о «свободе мысли и совести», которые особо необходимы творческим людям, и о горечи своей изгнаннической доли. Изгнанником можно быть, и оставшись на родине.

Время оказалось слишком жестоким и несправедливым по отношению к Юлию Алексеевичу Бунину. Разрозненные листы его писем, статей, дневниковых записей расредоточились по полкам архивных хранилищ, многое утрачено безвозвратно. Опубликованные материалы могли бы составить неплохой сборник, однако этого тоже не было. Но, как сказал Булгаков, «рукописи не горят». Настанет час и для творчества Ю.А. Бунина.

